

✦ Профессиональное кредо

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ А.П. ОГУРЦОВЫМ

Резник Ю.М.: Александр Павлович! Я давно хотел встретиться с Вами и задать свои вопросы. Для меня и многих моих коллег Вы — человек-легенда в советской и российской философии. Всех Ваших заслуг и достижений не перечислить. Тем не менее, выделю главные, на мой, «субъективный» взгляд, Ваши достижения:

— участие в создании и подготовке первой отечественной философской энциклопедии;

— разработка исследовательских направлений по философии и методологии науки, в т.ч. «Отчуждение: рефлексия и практика», «Дисциплинарная структура науки», «Философия природы», «Социальная история науки», «Социология науки», «Биоэтика и этика науки» и др.;

— организация деятельности отдела «Философия науки и техники».

Что Вы можете добавить к этому списку? Уточните, если считаете необходимым, выделенные в нем позиции. И что Вы считаете своим главным достижением на поприще философии?

Огурцов А.П.: Пожалуй, Вы указали все, что следует. Добавлю лишь интерес к проблеме универсалий, которая, как мне представляется, не исчезла из философского сознания и стала объектом пристального внимания не только в средневековой, но и в современной философии.

Ю.М.: Сначала задам несколько вопросов о Вашем отношении к философии. Скажите, пожалуйста, Вы считаете философию рефлексией культуры, наук (научной дисциплиной, например «Философские науки») или накоплением? Или тем и другим одновременно?

А.П.: Я никогда не принадлежал и не принадлежу к тем «розовым сциентистам», для которых наука — это «все и вся» культуры, а философия науки — средоточие всей философии. И тогда, когда я занимался проблемой отчуждения у Гегеля и Маркса, и когда писал статью «Феноменология» в «Философскую энциклопедию», и когда, работая в Институте истории естествознания и техники, стал заниматься философией и методологией науки, для меня всегда было ясно, что философия охватывает гораздо более широкий круг проблем, в том числе экзистенциальных, не сводимых к логической и философско-методологической аналитике. Сейчас стал распространенным

подход к философии, который видит в ней рефлексию об основаниях культуры (эти основания иногда называют универсалиями, ценностями и др.). Этот подход уже был заявлен и прописан в статьях в «Философской энциклопедии», например, в статье «Философия», написанной четырьмя авторами — В.А. Лекторским, В.С. Швыревым, Э.Г. Юдиным и мною. И хотя эта статья сохранила свою ценность и по сию пору, в настоящее время я осознаю, что подход, выразившийся в этой формуле, имеет свои преимущества (особенно по сравнению с официальным диалектическим материализмом, доминировавшим в то время), но и свои недостатки. Основной недостаток этого подхода состоит в том, что философия мыслится предметно, по образу и подобию дисциплинарного знания, которое обладает своей предметной областью и категориально-методологической системой, направленной на постижение *differentia specifica* объекта исследования. Не зря, когда говорят об универсалиях культуры, нередко используют термин *essentials* — сущности. Идеология субстанциализма, которая берет свой исток в Античности и с которой европейская философия, казалось бы, покончила в начале XX в., все же жива в определениях культуры как системы ценностей, а философии как поиска и определения ее фундаментальных оснований или сущностей.

Для меня философия — это определенный, предельный тип отношений человека и мира. Иными словами, философия — это тематизация предельных смыслов отношения человека к миру, обществу, культуре, к самому себе и к другому. По моему мнению, важно осмыслить преимущества реляционного способа мысли, где предметность является функцией системы отношений, а объективация — определенной формой тематизации коммуникационных связей. Поэтому исходным понятием философского дискурса должно стать, по моему мнению, понятие *тематизации*, которое позволяет исключить из уяснения философии все зрительные метафоры (созерцание, отражение, узрение и пр.), включить в ее круг коммуникативные характеристики, в том числе и те, которые выявляют особенности отношений коммуницирующего, волящего, действующего, познающего, стремящегося к чему-то, слушающего, эмоционального человека. Иными словами, выйти за пределы сугубо когнитивного отождествления всех отношений человека к миру — задача, поставленная еще в древности, не решенная до сих пор и, возможно, не решаемая в принципе.

Отношение человека и мира может быть, по крайней мере, двояким: человек-в-мире и человек-о-мире. Соответственно возможен двоякий подход к философии: философия может трактоваться либо как развертывание понимания вовлеченности человека в мир, в социально-политические, культурно-исторические ситуации, либо как дистанцированная, отстраненная рефлексия о мире, что, естественно, предполагает поиск некоей абсолютной инстанции — трансцендентального сознания, мирового Духа, пролетарского сознания, идеального коммуникативного сообщества и пр. В соответствии с этими двумя подходами можно проанализировать историческое развитие

философии. Эти две позиции должны уравновешивать друг друга: акцент на одной из них чреват забвением или принижением другой. Это присуще, например, фундаментальной онтологии, в которой приоритет, отдаваемый экзистенциалам, влечет за собой резкое ограничение (если не отказ) от когнитивного отношения человека и действительности. И соответственно, наоборот, приоритет эпистемологии влечет за собой отказ от обсуждения экзистенциально-метафизических проблем как не имеющих смысла. В настоящее время и философия, и наука переживают период, который можно назвать периодом *пролиферации концептуальных построений и языков*. Наряду с языком аналитической философии (к сожалению, слабо представленной в традициях отечественной философии) существуют языки феноменологической и экзистенциальной философии. Помимо этого универалистские притязания выдвигает и философия повседневности. Все эти языки, все эти тезаурусы не соединимы друг с другом. А если вспомнить об экстравагантном языке постмодернизма, то современная философская ситуация напомнит скорее Вавилонское смешение языков. Поэтому весьма настоятельная задача — проанализировать разноречье современных философских языков, тематизировать их и показать их вовлеченность в разные дискурсивные практики.

Итак, философия представляет собой тематизацию предельных проблем, относящихся не только к структуре и росту научного знания, но прежде всего к существованию и развитию человеческого бытия. В чем преимущества этого подхода и понятия тематизации? Тематизация — это проблематизация как экзистенциальных, так и когнитивных ситуаций. Она фиксирует имманентность тематизирующего и тематизируемого контекста, не позволяя вырвать субъекта тематизации из жизненного, в том числе когнитивного, контекста. Этот подход позволяет вывить коммуникативную соотношенность любых форм знания с конкретно-историческими ситуациями, осмыслить когнитивные феномены, возникающие в лоне коммуникативных сообществ (от языковых сообществ до философских и научных школ с их специфическим тезаурусом и методологической программой). По-моему, и для современной философии науки актуальной является задача не только осмыслить расходящиеся языки (или дивергирующие специальные тезаурусы, как сказал бы М.К. Петров) научных дисциплин и исследовательских областей, но и раскрыть критерии и регулятивы в их культурно-исторической заданности и определенности, а не в «надкультурном» или «надсоциальном» статусах. Сейчас меня занимает, когда возник такой когнитивный регулятив философии и затем науки, как истина, в каких контекстах он эффективен и в каких нет. В статье, которая печатается в этом номере журнала, я стремился показать, что софистика, возникшая в лоне риторики, отстаивала другой регулятив — регулятив правдоподобности знания, ориентировавшегося на достижение успеха, на эффективность защиты своей позиции в полемике с представителями других позиций и на власть. Именно Сократ и Платон противопоста-

вили этому регулятиву регулятив истинного знания. Аристотель же, заняв межумочную позицию, отнес регулятив правдоподобности убеждений и их вероятность к риторике, к диалектике и к логике диалога («Топика»), а регулятив истинности — к аподиктическому, всеобщему, доказательному и необходимому знанию, представленному прежде всего в математике. Иными словами, уже в Античности живо обсуждался вопрос о том, в каких контекстах дискурсивных практик действуют те или иные регулятивы: в риторических дискурсах (то есть в контекстах судебных тяжб, народных собраний) — регулятивы правдоподобности знания, а в собственно когнитивных дискурсах (то есть в контекстах доказательного знания) — регулятив истины. В связи с этим хочу напомнить тот анализ и самого слова «истина», и его смыслов в различных языковых и культурных сообществах, который был осуществлен П.А. Флоренским в «Столпе и утверждении истины» (второе письмо. Т. 1, М., 1990. С. 15–23). Язык задает онтологию и способы категоризации мира. В этой идее после исследований Б. Уорфа и Э. Сепира уже нет ничего нового. Ее признают и представители современной логики, в частности У. Куайн.

Поворот современной философии к риторике, представленный, например, в логике аргументации Х. Перельмана, в идеях М. Фуко о необходимости преодоления разрыва между философией и риторикой, по сути дела, означает требование уяснить коммуникативный характер философии, перестроить философию на коммуникативных основаниях, осмыслить различные коммуникативные контексты, в которых возникает философское размышление. Основными темами современного философствования становятся коммуникативный характер сознания, языка, действия, а риторика превращается в философию речи, ее критерии (правдоподобность убеждений, вероятность знания, его подверженность ошибкам) — регулятивами исследования гипотетичности научного знания. Можно напомнить идей К. Поппера.

Этот подход позволяет по-другому посмотреть на те регулятивы, которые выдвигались философией перед жизнью, деятельностью и знанием. При этом многие регулятивы, нормы и идеалы могут быть поняты как симулякры, выдвинутые ради защиты своей позиции и опровержения своих оппонентов, но универсализированных и принявших форму «само собой разумеющихся», «надисторических», «надсоциальных» и пр. Современная философия возродила компромиссное отношение к этим двум регулятивам, относя один из них к теоретическому и эмпирическому знанию, а другой — к статусу знания в риторических контекстах (прежде всего, в суде). Поэтому в современной методологии сохраняется дуализм между логикой дедуктивного доказательства, представленной прежде всего в математической логике, и логикой аргументации, обратившей внимание на процедуры и операции достижения убеждения, повышения степени их правдоподобности. Конечно, возникают сомнения в оправданности этого дуализма и стремление осмыслить все достижения современной логики с позиций логики аргументации

(ведь аргументация — это латинское слово для того же доказательства). Во всяком случае, посмотреть на достижения дедуктивной и индуктивной логики, исходя из контекста всех практик аргументации, в том числе аргументации в ходе судебных тяжб, — задача пока не выполненная, но весьма достойная. В этом отношении показательны те в буквальном смысле открытия, которые были осуществлены в анализе средневековой логики, ее принципиального отличия от античной, прежде всего сопряженности ее семантических дистинкций не только с латинским языком, но прежде всего с логикой диспута (исследования Л.М. Рийка, Ж. Пинборга, Ж. Жоливе).

Ю.М.: Как Вы разделяете для себя философию и науку? Вы кто — философ или ученый, т.е. человек, занимающийся наукой?

А.П.: Я уже попытался обозначить свою позицию. Хочу заметить, что демаркация между философией и наукой — сложная проблема, занимавшая многие умы, но все же далекая от своего решения. В истории человеческой мысли были ученые и одновременно философы. Можно напомнить имена Р. Декарта, Лейбница, Б. Больцано и многих других. Я только что посетил могилу в церкви г. Дубровнике известного математика, физика, теолога и философа Р. Бошковича (к сожалению, его работы мало известны в нашей культуре). Да и XX в. знает такого рода ученых, не просто интересовавшихся философией, но обладавших философским складом ума. Можно вспомнить имена В.И. Вернадского, А.А. Любищева, А.Г. Гурвича, В. Гейзенберга, Н. Бора, А. Эйнштейна, Э. Шредингера, К.Ф. Вейцеккера и др. В их творчестве разделить философию и науку невозможно. Будучи учеными, они и в философии отстаивали идеалы строгого знания, а будучи философами, они смогли внести в науку широкий (как сказали бы сегодня, глобальный, планетарный) взгляд на мироустройство и на самую науку.

Демаркация между философией и наукой проходит не по каким-то регулятивам, принятым в науке и отсутствующим в философии (будь то регулятивы верификации или фальсификации). Поэтому позволю себе не согласиться с К. Поппером, который подчеркнул в противовес неопозитивизму значимость фальсификации в науке, хотя, действительно, философские суждения не фальсифицируемы, поскольку они имеют дело с «вечными проблемами», выступающими каждый раз в новой конкретно-исторической форме. И философия, и наука долгое время принимали, а нередко до сих пор принимают общие регулятивы (рациональность как доказательность, ориентация на достижение истины, идеалы строгого, точного, однозначного языка и т.д.). В дальнейшем (и это произошло, очевидно, не ранее первой четверти XX в.) произошло размежевание критериев и регулятивов философии и науки. Возник и тот вопрос, который Вы мне задаете, — о демаркации философии от науки. Если попытаться на него ответить с сегодняшних позиций, то отмечу, что философия имеет дело со всеми формами дискурсивных практик, со всеми способами отношения человека к миру, а научное исследование, ставшее

ныне научным производством со своей инфраструктурой, системой подготовки кадров и даже со своей промышленностью, *ориентировано на эффективность*, на успешную реализацию инновационных идей относительно той предметной области, которую она изучает, той исследовательской программы, которая принята научным сообществом. Если философия ставит перед собой такого рода цель — достижение эффективности, то она превращается в идеологически ангажированную инженерию, а ее знание — в технологию партийной или государственной машины. Примеров тому нет числа.

Всем известный перевод греческого слова «философия» как любовь к мудрости, сохранив различие мудрости и знания, не корректен. Философия — это скорее сопереживающее понимание себя, другого, мира. Это скорее любознание, а не любомудрие. Если вспомнить шутку, принадлежащую, по моему, академику Арицимовичу: наука — это удовлетворение любознательности за государственный счет, то философию можно назвать *культивированием любознательности*, а философа — энтузиастом любознательности. А любознательность составляет неотъемлемое качество человека. Поэтому философия всегда была связана с образованием, с формированием и развитием интеллектуальных установок личности.

Философия является, по-моему, способом рационализации пока не подвластных науке проблем. В этом она обгоняет научное знание, универсализируя найденные (в том числе и наукой, но не только ею) способы постановки и решения проблем. Она превращает частные методы и методики науки в универсальные, формируя методологические программы, притязающие на универсальность и глобальность. Однако философия может и «закрывать» проблемы, создавать видимость их решения, поскольку она экстраполирует и методы науки, и ее предметную область, и исторически-конкретные способы научного отношения человека к миру на всю науку, на весь мир, на все типы отношения человека к миру. В этом смысл той критики метафизики, которая была характерна для марксистской философии, выдвинувшей на первый план исследование саморазвивающихся процессов в противовес анализу естественных тел в классической метафизике, и той деконструкции прежней метафизики, которую развернул М. Хайдеггер. Один из изъянов марксистской философии заключается, по моему, в том, что универсализируя понятия и методы эволюционизма, она сама превратилась в «мировую схематику», в своего рода метафизику, и, трактуя диалектику как учение о развитии и единстве противоположностей, она создавала видимость решения проблем, «закрыв» саму возможность выявления новых онтологических схем естественных и гуманитарных наук, например, выявления различных типов систем, их организованности и самоорганизации. Изъян фундаментальной онтологии Хайдеггера состоит в другом — в неприятии научного знания и любой эпистемологии.

И по профессии, и по роду своих занятий являюсь философом, занимающимся наукой. Если бы считал себя ученым, занимающимся наукой, то

назвал бы себя науковедом, который использует точные и количественные методы в исследовании науки. Это достаточно серьезная и полезная область, которой у нас долгое время пренебрегали.

Ю.М.: Есть ли критерии, позволяющие квалифицировать данный вид познавательной деятельности как философский или научный? С появлением такой дисциплины, как «Философия и методология науки» можно ли вообще проводить четкую грань между ними?

А.П.: Действительно, с появлением такой области исследований, как «философия и методология науки», взаимоотношения между философией и наукой, мягко скажем, усложнились (если не размылись). Сразу же скажу, что для меня «философия и методология науки» — это не дисциплина, а исследовательская область с весьма размытыми границами. Философия науки включает в себя и онтологию, и аксиологию, и собственно методологию науки. Включает она в себя и изучение методологических установок ученых того или иного времени. Иными словами, она охватывает и анализ методологического сознания научного сообщества того или иного периода, изучение как методов, так и методологических принципов науки (симметрии, простоты, соответствия, неопределенности и др.). И без обращения к истории науки в этой области делать нечего.

Аксиология науки — область мало исследованная и в отечественной, и в зарубежной философии. Дело в том, что до недавнего времени идея о том, что наука свободна от ценностных суждений, составляла основное ядро «здорового рассудка» ученых. Эта утвердившаяся в сознании ученых установка не позволяла осмыслить, например, влияние эстетических базисных интуиций (например, переживания красоты в природе) на формирование новых идей. В этой связи можно вспомнить, в частности, роль описаний Ч. Дарвиным малоизвестной флоры и фауны во время путешествия на корабле «Бигль» на создание им теории эволюции, описание А.А. Любищевым красоты морозных узоров на оконном стекле и его обращение к исследованию роли принципов симметрии в биологии. И в историко-научных реконструкциях, и в философии науки явно недостаточное внимание уделялось влиянию религиозных установок ученых на их методологическое сознание. Так, полемика между Ж. Кювье и Э. Жоффруа Сент-Илером во многом объясняется не столько различиями их методологических установок (оба они отстаивали идею метаморфоз типа), сколько различием их религиозных убеждений (один католик, другой — протестант). Я не забуду доклад одного американца (к сожалению, забыл его фамилию) в секторе истории математики ИИЕиТа, который показал, что развитие сферической тригонометрии в исламских странах, опередившее европейскую математику, было связано с тем, что осуществление намаза в точно фиксированное время предполагало осознание шарообразности земли, а выбор сакральной координатной точки — умение рассчитать зависимости между углами и сторонами сферических треугольников.

Ю.М.: Кого, на Ваш взгляд, можно назвать настоящим философом? Согласны ли Вы с утверждением В.М. Межуева о том, что «мы не философы, а

философоведы», т.е. специалисты по философии? Или все же философия — это профессия, а философ — квалификация специалиста? И, следовательно, философом можно называть любого человека, имеющего философское образование или элементарную философскую подготовку? В таком случае стоит ли проводить различие между философом и специалистом по философии?

А.П.: Мне повезло в жизни. Мне встретилось много настоящих философов. После окончания первого курса я был послан в подшефный совхоз на картошку, где работал вместе с В.К. Финном, Д. Лахути, О.П. Кузнецовым, ныне покойным Е.П. Никитиным. Именно там завязались те дружеские контакты, которые продолжались в математическом кружке вплоть до 4 курса и продолжают до сих пор. Уже в середине 50-х гг. на 2 курсе философского факультета МГУ я познакомился с А.А. Зиновьевым, М.К. Мамардашвили, Б.А. Грушиным, Г.П. Щедровицким, посещая семинар, который теперь известен как Московский методологический кружок (ММК). Зиновьев и был тем человеком, который формировал исследовательскую программу ММК, а уже потом, после того, как он ушел (а точнее, его «ушли») с факультета, функцию организатора взял на себя Щедровицкий. Программа ММК — это работа над конкретными исследовательскими областями для анализа их методологических процедур, для осмысления трудностей трансфера определенных операций из одной области в другую. В этом отношении лучшим примером для меня служила кандидатская диссертация Зиновьева, которая защищена в 1954 г. и лишь в 2002 г. издана в ИФ РАН «Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса)». Э.В. Ильенков, который редко был на заседаниях этого кружка, был острым и непримиримым критиком этой программы. В 1963 г. я стал младшим научным сотрудником Института Философии и сразу же был направлен в издательство «Советская энциклопедия» для помощи в подготовке статей «Философской энциклопедии». Это был месяц напряженной, совместной работы вместе с М.Б. Туровским всего лишь над одной статьей «Метафизика». Через какое-то время ко мне подошел И.В. Блауберг — тогдашний ответственный секретарь журнала «Вопросы философии», человек блестящего организаторского таланта и предложил перейти на работу в журнал. Он подобрал добротный редакторский коллектив. И я начал работать вместе с Г.С. Гургенидзе, Ю.Б. Молчановым, Р. Садовым, В.Н. Садовским, Э.Ю. Соловьевым и др. Многих уже нет, как нет Э.Г. Юдина, М.К. Петрова, Б.И. Шрагина, ставших в эти годы моими друзьями. После ухода из журнала в 1967 г. я работал в секторе Ю.А. Замошкина в Институте международного движения вместе с П.П. Гайденом, Э.Ю. Соловьевым, М.К. Мамардашвили, Ю. Карякиным. Работал я там недолго. «Волею судеб», а точнее волею царствующей тогда верхушки, оказался на девять месяцев без работы, как и многие «подписанты» в те годы (как Г.П. Щедровицкий, Б.И. Шрагин, Л. Пажитнов и др.). В эти месяцы я почувствовал, что в русской интеллигенции сохранялось и росло противостоя-

ние репрессивному режиму, постоянная поддержка гонимых. Тогда же я узнал интеллигентов, далеких от философии, но сохранявших чувство собственного достоинства и способных противостоять атмосфере идеологического зажима, начинавшегося в стране, — филолога Юрия Глазова, художника-реставратора из Третьяковки Тишилова (до сих пор сохраняю о них память).

Позднее был взят в Советскую социологическую ассоциацию для подготовки «Социологического словаря». Казалось бы, бессмысленная задача — в СССР нет социологии, не выработан социологический язык, а нужно создавать словарь того, чего нет и в помине. «Социологический словарь» все же был подготовлен (его объем более 1000 страниц машинописного текста), но он так и не вышел (по каким причинам не знаю, можно предположить, что из-за разгрома социологии). В ходе подготовки словаря я сам обучался социологическому языку и социологическому способу мысли. Хотя я сейчас понимаю, насколько этот словарь был не удовлетворительным, но его выход в то время позволил бы сформировать социологический тезаурус, достичь консенсуса между различными социологическими течениями и направлениями, содействовал бы формированию социологического способа мысли. Именно в этом Институте я познакомился с Ю.А. Левадой и его группой — с Л.А. Седовым, Д.Б. Зильберманом, Д. Сегалом, позднее с В.А. Ядовым, И.С. Коном. Еще до погрома в Институте социологии я ушел из него в Институт истории естествознания и техники. Я помню семинары в этом институте, которыми руководил В.С. Библер, но он уже перешел в Институт всеобщей истории. В 1971 г. я начал работать в секторе Н.И. Родного «Концепции истории естествознания» вместе с Б.С. Грязновым, П.П. Гайденом, И.А. Алексеевым, А.В. Ахутиным, В.Л. Рабиновичем, Л.А. Марковой и др. Программа, которая была выработана, по-моему, В.С. Библером, состояла в том, чтобы проанализировать различные концепции истории естествознания, перейти от сугубо описательного, эмпирического уровня историко-научных исследований к более высокому — концептуальному уровню. Эта программа во многом была выполнена благодаря усилиям Б.М. Кедрова. Я вспоминаю выпущенные сектором книги, особенно «Позитивизм и наука». Помню дискуссии о концепции К. Поппера, о его отношении к неопозитивизму, ясное изложение и критический анализ концепции И. Лакатоса Щедровицким по его книге «Доказательство и опровержения». В Институте я познакомился с целым рядом талантливых историков науки — с Медведевым, Мочаловым, Визгиным, Демидовым и др. Как видите, в жизни мне повезло — я встретил много талантливых людей, талантливых философов, многие из которых не имели философского образования, но они становились философами, размышляя над проблемами своей специальности.

Я не могу считать себя «философоведом». Конечно, философия всегда размышляла о своем статусе в культуре. Она всегда модифицировала прежний образ философии, ломала его, подвергала критике и выдвигала новые

проекты философии. Но назвать то, чем каждый из нас занимается, «философоведением», по-моему, все же нельзя. Если уж и использовать этот экстравагантный термин В.М. Межуева, то его имеет смысл применять лишь относительно точного, количественного и библиометрического исследования философии подобно тому, как наука изучается в науковедении. К сожалению, такого рода исследований в философии пока нет. Между тем это позволило бы уяснить с помощью методов цитирования и коцитирования не только исследовательские области внутри философии, но и «невидимые колледжи» на переднем крае философии, смену приоритетов в ходе движения философского знания. Специалист по философии знает тезаурус философии, но не видит ее проблем. Философ может и не знать современного ему философского языка, создавать свой самобытный язык, но он в состоянии усмотреть проблему там, где специалист по философии ничего не увидит. В истории отечественной философии было много самобытных философов и мало «специалистов по философии» (может быть, потому, что в России долгое время отсутствовало специальное философское образование). Я могу назвать имена таких мыслителей, как В.В. Розанов, Н.Ф. Федоров, К.Ф. Жаков и др. Многие из русских философов заканчивали историко-филологические отделения университетов. Поэтому надо еще исследовать то, какую роль сыграли историки и филологи в становлении отечественной философии, какое эвристическое влияние оказали их установки на формирование философского сознания. Меня трудно упрекнуть в том, что я не осознаю ценности философского образования. Сформировали меня талантливые люди и умные книги. Можно представить себе, какое было философское образование в то время, когда я начал учиться (1953—1958): сталинские 3 черты материализма и 4 черты метода (или наоборот, я уже не помню) надоели всем до чертиков. Именно в соответствии с ними читали курс диалектического материализма, а от исторического материализма у меня ничего не осталось в памяти. Со 2 курса я перестал ходить на лекции, хотя до сих пор помню те лекции, которые читали Т.И. Ойзерман, Н.С. Юлина, А.С. Богомолов, и ограничился работой на спецсеминарах М.Ф. Овсянникова по философии Гегеля и В.Ф. Асмуса по философии Канта. Я предпочитал проводить время в читальном зале Горьковки. До сих пор помню поразившие меня гениальные книги Гегеля «Феноменология духа», Г. Лукача «История и классовое сознание» с его идеей «овеществления», М.Я. Выгодского «Исчисление бесконечно малых», построенной историко-научным образом и ставшей одной из первых работ по нестандартному анализу, А.И. Рубина «Очерк теории стоимости Маркса», где он выдвигал в качестве социологического фундамента марксистской политэкономии теорию фетишизма К. Маркса. Выход в свет тома «Из ранних произведений К. Маркса и Ф. Энгельса» (1956) показал нам другого Маркса, занимавшегося гуманистической антропологией и ставшего знаменем поворота к «социализму с человеческим лицом», которому не только

я, но и многие из моего поколения (Л.Н. Пажитнов, Б.И. Шрагин, Г.С. Батишев) отдавали приоритет. Интерес к работам Маркса, которые предшествовали «Капиталу», особенно к «Grundrisse», показал, что исток экономического учения Маркса в его антропологии. Доклад Н.С. Хрущева о культуре личности, подавление венгерского восстания, «заморозки» в социально-политической и культурной жизни страны показали, что никакого гуманистического социализма быть не может. Окончательно добила эту утопическую надежду оккупация советскими войсками Чехословакии в 1968 г. С социалистическими иллюзиями и с марксистской идеологией в стране было покончено, хотя советский режим еще продержался двадцать лет. Понятно, что к советской философии у меня почтения нет, все же Маркса я продолжаю считать выдающимся мыслителем, который осуществил поворот философии к социальной проблематике.

Многие из поколения, идейно сформировавшегося в 60-е гг. (а я отношу себя к нему), исходили в своей деятельности из установки на то, чтобы сохранить интерес к философии в нашей стране, поддержать высокий уровень отечественных философских исследований и не позволить превратиться философии в идеологическую сухотку. Высокая планка уровня исследований была задана вышедшей пятитомной «Философской энциклопедией» (особенно ее последними томами), в которой я принимал участие. Ее выход был действительно событием в интеллектуальной жизни страны. Здесь уже потребовались философы-специалисты, без квалифицированных знаний которых невозможно было подготовить это издание. Можно напомнить статьи А.Ф. Лосева по античной философии, А.С. Есенина-Вольпина, Ю.А. Гастева по математической логике и др. Сейчас, конечно, видны и лакуны в этом издании, слабые места, слабая разработка некоторых тем в тогдашней отечественной философии (например, аналитической философии, логики естественного языка, этики). Многие из этих лагун остались и в наши дни, хотя позитивные сдвиги за последние двадцать лет в целом ряде исследовательских областей внутри философии налицо, в частности, в этике, в анализе истории русской философии XX в. В эти годы все мы стали читателями той философской литературы, которая хранилась у нас в спецхранах, прежде всего русских философов, оказавшихся в вынужденной эмиграции. Можно лишь испытывать чувство зависти к молодым людям, вступающим в философию: сейчас изданы на русском языке Работы почти всех зарубежных мыслителей XX в., вышли тома собраний сочинений В. Дильтея, Э. Гуссерля, журналом «Вопросы философии» издана серия книг по русской философии, вышли в свет тома собрания сочинений И.А. Ильина (благодаря подвижничеству Ю.Т. Лисицы), четырехтомник Н.Ф. Федорова, сочинения Г.П. Федотова. Конечно, еще многое предстоит сделать, но без знания этих книг нельзя себе представить ни одного человека, специализирующегося в философии.

Ю.М.: Что значит для Вас лично философствовать или заниматься философией? Философия в Вашей жизни — это образ жизни, способ духовного развития, рефлексивная деятельность, «работа» или что-то иное? Как часто Вы занимаетесь философией: постоянно нахожусь в состоянии философской рефлексии, несколько часов в день, один — два дня в неделю, время от времени?

А.П.: Находиться постоянно в состоянии философской рефлексии просто невозможно — можно свихнуться. Занятие философией предполагает работу мысли и связано с мыслительными усилиями. Больше времени я посвящаю чтению различной литературы, прежде всего собственно философской и, к сожалению, гораздо меньше, чем раньше, художественной. Иногда чтение философской литературы вызывает у меня ступор, нередко раздражение, но чаще всего понимание того, что сделан еще один, пусть маленький шаг, в постижении неизведанного. Именно тогда-то и возникают какие-то идеи, которые еще требуется обосновать, развить, скорректировать. Но это состояние редко. Обычно хорошо работаете рано утром, когда все спят, и никто не мешает.

Ю.М.: Александр Павлович! Вы много писали об организации научного сообщества. Могли бы Вы вкратце определить основные признаки научной школы? Есть ли принципиальные различия между философской и научной школой?

А.П.: Исторически первыми возникли философские школы. Их генезис связан с институциями образования на основе отношений «учитель-ученик». Примерами этого могут быть Академия Платона, Ликей Аристотеля. В средние века, как показала Светлана Неретина, философские школы далеко не всегда были связаны с тем или иным лидером и формировались при различных монастырях (Шартрский монастырь — математическая школа, Болонья — юридическая школа, Парижский университет — философия и др.).

Научные школы — гораздо более позднее явление. Как мне кажется, первая научная школа возникла в Германии. Это школа агрохимии Юстуса Либиха, которая из национальной вскоре стала международной. Любой школе — и философской, и научной — присущи такие особенности, как наличие общепризнанного лидера, сформулировавшего исследовательскую программу, сообщества аспирантов и стажеров, специфическая совокупность методов исследования и выработка достаточно четкой методики работы, кооперация усилий и действий ученых разных специальностей, споры о путях осуществления исследовательской программы. Каких-то специфических различий философской школы от научной я не вижу, может быть, за исключением большего «веса» методики работы в составе научной школы.

Ю.М.: Россия обладает сегодня самым большим числом людей, профессионально занимающихся философией (исследованиями, преподаванием, организацией семинаров и конференций и т.д.). Есть ли в современной России философские школы? Каковы их основные идеи и представители?

А.П.: В современной России, конечно, есть философские школы. Правда, их гораздо меньше, чем было в советской России. Вероятно, это объясняется тем, что ушло из жизни то поколение сократических философов, способных выразить свое видение проблем в речи, обращенной к слушателям, к студентам, отстаивать свою позицию в споре с другими. В этой связи напомним такие имена, как Библер, Мамардашвили, Щедровицкий. Казалось бы, наступили времена, благодатные для расцвета философских школ, когда низвергнуты все идеологические препоны и каждый может спокойно обдумывать свою позицию и развертывать ее. Но все же философских школ меньше, чем раньше. Я могу напомнить школу В.А. Конева в Самаре. Пожалуй, это наиболее активная сейчас философская школа. Вплоть до смерти Библера существовала школа «диалога культур».

Сейчас, по-моему, другой период в истории нашей философии – период интенсивной внутренней работы над проблемами, которая проходит в уединении, в напряженной сосредоточенности. Вероятно, поэтому организационным началом философской работы становится «невидимый колледж», о котором писал еще известный химик Р. Бойль. Это такое объединение ученых, которое не предполагает (но и не исключает) совместной работы ученых, но предполагает общий способ работы, взаимное признание инноваций других исследователей, артикулированное в сносках цитирования, обмен препринтами, журнальными статьями. Эти особенности «невидимых колледжей» (хотя этот перевод термина «invisible colleges», ставший общераспространенным с легкой руки М.К. Петрова, все же некорректен, поскольку речь шла о том, что «республика ученых» составляла незримую коллегиям в противовес зримым и официально признанным коллегиям – торговли, морских дел и пр.) присущи и философии, и всем наукам.

Ю.М.: Как бы Вы оценили свой статус в отечественной философии: «основатель собственной философской школы», «основатель направления (направлений) в философии», «последователь», «философ-одиночка»? Определите, если сможете, свою позицию.

А.П.: Я философ-одиночка, хотя почти все мои книги выпущены в соавторстве с другими людьми, но я человек общительный и быстро нахожу и возможность совместной работы, и общие точки соприкосновения с другими позициями.

Ю.М.: Александр Павлович! Почему, на Ваш взгляд, философская общественность России так и не вышла до сих пор на передовые рубежи мировой философской мысли? Где наши Хайдеггеры, Попперы, Ясперсы, Хабермасы? Объясняется ли отсутствие у нас философов мирового уровня только причинами идеологического или институционального характера?

А.П.: Россия в XX в. дала философов мирового уровня. Могу назвать такие имена, как В.И. Вернадский, А.А. Мейер, А.Ф. Лосев, Я.Э. Голосовкер, В.С. Библер, Э.В. Ильенков, В.В. Библихин, С.С. Аверинцев, А.В. Михайлов,

М.К. Петров. Не буду называть ныне здравствующих философов. Хотя «в своем отечестве нет пророков», а Россия всегда (и в царский, и в советский периоды) отличалась неприятием «любомудрия», но все же репрессивная идеология и практика сделали свое дело: тот, кто тяготел к философии, уходил в другие области науки – в филологию, в историю науки, в психологию и т.д. Немаловажную роль в существующем социальном статусе философии играет ее институциональная «подвешенность». Философы все больше и больше превращаются в слой «свободно парящей интеллигенции», о котором писал еще К. Мангейм. Если в советский период преподавание философии в высших учебных заведениях и методологические семинары в академических институтах были формами институциональной поддержки занятий философией, то ныне эта площадка становится эже и эже. В обществе с рыночной экономикой механизмы поддержки философских и вообще гуманитарных исследований оказались в забвении, третируются, подвергаются эрозии – исчезли методологические семинары, межинститутские ученые советы и т.д. Созданные для финансирования научных исследований фонды – РФФИ и РГНФ – в «эпоху безвременья» в буквальном смысле спасли гуманитарные науки, в том числе и философию. Я с самого начала принимал участие в работе РГНФ и знаю, с какими трудностями и предубеждениями и в научной, и в чиновничьей среде он сталкивался.

Ю.М.: Как Вы соотносите между собой «официальную науку» и «невидимый колледж»? Кого Вы относите к представителям «невидимого колледжа»?

А.П.: Я уже постарался ответить на этот вопрос. Добавлю, что из недавнего вышедшего сборника документов «Социология и власть» я узнал, что официальные идеологи по поручению ЦК КПСС подготовили справку о том, что же такое «невидимый колледж»? Само собой разумеется, для них ни этот термин, ни сам феномен не были приемлемы, для них это понятия «буржуазной социологии». Для меня же это способ самоорганизации работы ученых, возникший еще в XVII в. и сохранившийся и в наши дни. А в эпоху Интернета этот способ кооперации исследований ученых разных стран вообще становится универсальным. Что такое «официальная наука», я не знаю: и сам этот термин, и явление, им обозначаемое, из нашего недавнего прошлого и к нынешней реальности не имеет никакого отношения.

Ю.М.: Вас характеризуют как человека демократичного и гибкого в общении, хотя и принципиального во всем, что касается Ваших философских исследований и участия в научных дискуссиях. Уже много лет Вы руководите отделом и центром в Институте философии. Удастся ли Вам осуществлять совместные научные исследования на основе избранной Вами стратегии? Насколько близка Ваша научно-организационная деятельность к условиям формирования «невидимого колледжа»?

А.П.: Я уже давно сформулировал перед собой цель – проанализировать историю методологии науки, осмыслить эволюцию методологического со-

знания ученых разных специальностей — логиков, философов, представителей научных дисциплин. Не знаю, удастся ли осуществить эту цель. Еще в 1985 г. выпустил книгу о возникновении дисциплинарной организации научного знания. В 1995 г. — монографию «Философия науки эпохи Просвещения», чуть позднее книгу «От натурфилософии к теории науки». В сборниках «Методология науки: проблемы и история» (ИФ РАН, 2003), «Благо и истина: классические и неклассические регулятивы» (ИФ РАН, 1998) и «Истина и благо: универсальное и сингулярное» (ИФ РАН, 2002), в ежегоднике «Философия науки» (вып. 10. М., 2004) опубликовал ряд статей, посвященных тем или иным проблемам методологии науки. В ближайшее время постараюсь собрать все, что ранее опубликовал, еще раз просмотреть все написанное и напечатанное, уяснить лакуны в проведенных исследованиях и постараться заполнить их. Думаю, что подготовку рукописи об истории методологии науки завершу в 2006 г.

Та научно-организационная деятельность, о которой Вы спрашиваете, далека от формирования «невидимого колледжа», хотя определенную группу исследователей эти сборники собрали. И дело, очевидно, не только в отсутствии у меня организационных способностей, но и в общем состоянии философии и академической науки в стране.

Ю. М.: Как Вы относитесь к реформе академической науки в России? С Вашей точки зрения, академия наук должна быть по преимуществу государственным учреждением или институтом гражданского общества? Сумеет ли Россия сохранить научный потенциал РАН, не выплеснув с водой ребенка в ходе очередной структурной и организационной перестройки?

А. П.: Современное состояние академической науки в России плачевно. Государственная политика в области науки и образовании направлена на убийство науки. Если ведущий научный сотрудник академического института получает зарплату в 3 тысячи с небольшим рублей, то ясно, что правительство держит науку и образование на «голодной пбйке». Поэтому гуманитарии, как и ученые других институтов, для того, чтобы выжить, вынуждены участвовать в различных конкурсах на получение грантов, работать в двух-трех местах, искать договорные работы. Россия вновь, как и после переворота 1917 г., столкнулась с вынужденной эмиграцией ученых, правда, теперь уже не столько по социально-политическим, сколько по экономическим причинам. Реформаторский зуд наших правительственных чиновников объясняется, очевидно, их стремлением подчинить академическую науку чиновничьей власти, обеспечить себя если не имущественной собственностью (хотя есть и эта мотивация их разрушительных действий), то собственностью на власть. Они стремятся сделать то, что не удалось сделать ни Сталину, ни Хрущеву, — разрушить Академию наук. Вслед за разрушением т.н. «ведомственной науки», которая худо-бедно осуществляла приложение инновационных фундаментальных идей в технике и технологиях, разрушению ныне подвер-

гается и академическая наука. Чиновники, ссылаясь на американский опыт, стремятся превратить научные исследования в эпифеномен институций образования. Но надо заметить, что и в США уже давно (с начала XX в.) наряду с университетской наукой существуют исследовательские лаборатории в промышленных корпорациях и фирмах.

Чиновнику трудно понять, что преподавание и исследование — две разные функции человека, имеющие разные цели и выполняющие различные функции в культуре и в обществе. Одна из них в большей степени ориентирована на трансляцию достигнутого, на изложение достигнутого знания в качестве фундаментальных положений, которые должны быть усвоены в качестве незыблемых аксиом и догм, в то время как вторая направлена на выдвижение инновационных идей, разрушающих любую установленную систему положений, определений, теорем. Конечно, и в рамках институций образования развиваются научные исследования, но все они подчинены образовательным целям. Превращение научных исследований в эпифеномен образовательной системы окажет губительное воздействие на само существование фундаментальной науки в стране.

Разрушение коснулось и системы подготовки аспирантских кадров. Кто из талантливых студентов пойдет в аспирантуру, где его стипендия не превышает тысячи рублей? И это в стране, где обладание деньгами превращено усилиями «предержащих власть» в единственную ценностную ориентацию. Об этом трагическом положении российской науки можно говорить долго и с болью в сердце. Можно сказать, что академическая наука в России если и восстановится, то на это потребуются громадные усилия. На ее гальванизацию потребуются большой временной лаг и большие финансовые вливания. Утрачены целые научные направления. Престиж занятий наукой упал как никогда низко. Нет осознания утрат российской науки. Академическая элита оказалась не способной защитить институциональную структуру науки от поползновений власти сократить государственные расходы на науку, от чиновничьего произвола, разрушающего науку.

За фасадом стабилизации — разрушение и науки, и медицины, и образования. Близорукость наших финансистов, оставшихся младшими научными сотрудниками, состоит в том, что они не дают себе труда подумать о завтрашнем дне и не вкладывают полученную прибыль в инновационные технологии. Технологическая катастрофа, случившаяся в Москве 25 мая 2005 г., воочию показала неверность выбранного стратегического курса руководства РАО ЕЭС, отсутствие какой-либо инновационной политики в технологической модернизации энергетических систем, пренебрежение интересами потребителей. Но для меня эта катастрофа стала свидетельством того, насколько хрупка наша цивилизация: Москва в одночасье из урбанизированного мегаполиса превратилась в большую деревню, где нет электричества, не работают метро, троллейбусы и лифты, где выключились все холодильные ус-

тановки и т.д. От цивилизации до технологического варварства — один шаг. И он был сделан неумелыми, неквалифицированными действиями инженеров и техников, несистемной стратегией руководства РАО ЕЭС. Эта катастрофа показала и то, что без науки и технологических инноваций современная жизнь невозможна, что страна неумолимо скатится на обочину цивилизационного пути, если не развивать и не поддерживать всемерным образом научные исследования.

Что можно было бы сделать уже сегодня для поддержки фундаментальных наук? Прежде всего, остановить административный, реформаторский зуд наших чиновников. Кроме того, снять все налоги и сборы с грантов и благотворительных пожертвований на образование студентов и аспирантов. И, наконец, создать инновационную структуру внутри академической науки, внутри промышленных фирм и корпораций. Но все же без решительного расширения финансирования научных исследований, поддержки всей инфраструктуры академической науки — ее библиотек, архивов, предприятий, создающих научные приборы, чистые вещества и т.д., научные исследования в России могут перейти в коматозное состояние. Пока они осуществляются благодаря тому энтузиазму любознательности, который всегда отличал подлинных ученых.

Ю.М.: И еще один личный вопрос: почему Вы не стали членом РАН? Назовите, если сможете, главные причины объективного и субъективного порядка.

А.П.: Вопрос, конечно, интересный. Но хотел бы напомнить, что у меня нет даже профессорского звания. В академический состав избирают по определенным заслугам (организационным или исследовательским). У меня, очевидно, нет такого рода способностей. Отбор членов «собрания бессмертных» в философии весьма скопроментировал себя в советские годы и не определялся научными или организационными заслугами. Правда, в последние годы ситуация начинает меняться.

Ю.М.: Недавно прошел очередной Философский конгресс в Москве. Многие участники отмечают недостаточно высокий теоретический уровень состоявшегося философского дискурса. Как Вы оцениваете результаты данного форума? Можно ли посредством этой формы организации научного сообщества совершить серьезный прорыв в философских исследованиях или у него совершенно иные задачи?

А.П.: Полагаю, что любой научный конгресс не является способом осуществления прорыва в философских исследованиях. Это, скорее, место встречи с людьми, с которыми давно не виделся, форма ознакомления с результатами их исследований. Я участвовал в работе лишь одного «круглого стола» о диалектике природы и присутствовал на пленарном заседании и на некоторых сообщениях в других секциях. Действительно, уровень обсуждения проблем на «круглом столе» был невысоким. Это я объясняю тем, что руководители секций и «круглых столов», были стеснены в отказе от принятия тези-

сов сообщений. Победила установка на массовость, на расширение состава участников, хотя многие опубликованные тезисы сообщений были далеки даже от студенческого уровня. Философского дискурса на любых конгрессах, по определению, быть не может: каждый в предоставленное, весьма краткое, время стремится сказать о своем, о наблевшем, но нередко не продуманном, дискуссии не получается, хотя и пытался ее развязать. Позитивным итогом этого конгресса, как мне кажется, является то, что было продемонстрировано: философия в России жива, несмотря на все усилия ее умертвить, а интерес к ней не мал.

Ю.М.: Какие проблемы философии Вас волнуют сегодня? Над чем Вы работаете, что пишете? Поделитесь, пожалуйста, своими планами с нашими читателями.

А.П.: Буквально в эти же дни дочитывал верстку книги, написанной совместно с моей женой — Светланой Неретиной, — «Пути к универсалиям». Книга получилась большая и охватывает более чем двухтысячелетний период в обсуждении проблемы универсалий — от Античности до наших дней. Не буду рассказывать о ней, надеюсь, она выйдет в 2005 году. Продолжаю заниматься историей Венского кружка, точнее говоря, философией науки, развернутой ее представителями, прежде всего Морицем Шликом. Меня интересует, как интерпретировались важнейшие достижения естественных наук представителями Венского кружка, — теория относительности, квантовая механика. Для меня важно показать, что сама философия науки, развиваемая в рамках логического эмпиризма, формировалась не в стороне от анализа достижений физики, а наоборот, явилась ответом на методологические вызовы квантовой механики, в частности, как определенная интерпретация принципа неопределенности В.Гейзенберга и критики им понятия причинности. Думаю, что в философско-методологическом наследии Венского кружка много незаслуженно забытого и неоправданно отвергнутого. «Венцы» были не столь глупы, как представлялось защитникам постпозитивизма, которые прошли мимо ряда весьма перспективных идей, выдвинутых участниками Венского кружка.

В моих дальнейших планах — исследование концепций кризиса европейской науки, развитых в феноменологии Э. Гуссерля и в операционализме Г. Динглера.

Ю.М.: Александр Павлович! Что бы Вы хотели пожелать редакции нашего журнала? Какие новые направления, рубрики, материалы Вы могли бы предложить для публикации в нем?

А.П.: Я уже выступал с предложениями на обсуждении Вашего журнала. Не буду повторять их все. Вы, очевидно, будете публиковать выступления на этом обсуждении. Мне кажется, что имело бы смысл на одном из заседаний редколлегии обсудить наиболее актуальные проблемы нашей философии. Думаю, что среди этих проблем, которые целесообразно обсудить, такие темы,

как «Биоэтика и моральные проблемы медицинских технологий», «Этические и социальные проблемы увеличения длительности жизни», «Рациональность и новые пути доказательства», «Логика аргументации и коммуникации», «Экология и новое понимание природы». Полагаю, что достоинством журнала является публикация переводов классических текстов мыслителей XX в. Думаю, что переводческая политика журнала может быть расширена за счет публикаций статей из иностранных философских журналов (обычно издатели и авторы благосклонно относятся к изданию переводов своих статей при указании, конечно, авторского копирайта). Журнал оказался одним из немногих печатных органов, который целиком посвящен теоретическим проблемам антропологии — и культурной, и социальной, и персоналистической. Хотелось бы всемерно поддержать это направление в журнале, который уже занял свое достойное место в философской прессе.

Ю.М.: Спасибо за интересный рассказ.

+ Научная жизнь

«ВРЕМЯ. ВЕЧНОСТЬ. ЗАБВЕНИЕ»: Материалы круглого стола (продолжение, часть 2)

Ф.Т. Михайлов (Институт философии РАН)

Время порождается ожидающим вниманием другого

Михайлов Ф.Т.: Слушая Вадима Львовича, я вспомнил один из гениальных романов Умберто Эко «Остров накануне» или «Острова накануне». В нем проблема «сегодня — завтра» становится центральной проблемой времени, проблемой бытия, которое в себя включает сразу все моменты как прожитого, так и того, что предстоит прожить. И главный герой, глубоко убежденный в том, что линия перехода от «вчера» к «сегодня» существует, бросается к острову, для того чтобы попасть в прошлое, во вчера, но его время относит течением, и фактически он находится все время на границе «вчера» и «сегодня».

Этот образ вспомнился мне в связи с тем, что когда сегодня я посылаю коллеге в Сан-Диего e-mail, то он получает его вчера. Дело в том, что когда мы говорим о времени и пространстве, то так или иначе мы всегда ступаем в ту область, которая характеризует мышление в целом — принципиально и по существу. Мышление выступает в таком аспекте только тогда, когда, преобразуя свои средства и формы, приводит способы осмысления мыслимого к мыслимой предметности. Время и пространство (я сейчас объединяю их вместе) — это одно из ключевых средств осмысления жизни, реальности. Пока мы пребывали в хронотопе тех выступлений, которые мы слушали, мы находились именно в той субъективной форме, которая отрабатывает не что иное, как эти средства и способы осмысления. Отрабатывает для того, чтобы выйти за собственные пределы, выйти к какой-то определенной предметности: время и пространство, время и бытие (sein und zeit, если вспомнить Хайдеггера). Во всех этих случаях, как, вообще говоря, и в любой мыслительной, собственно фундаментальной теоретической деятельности, развиваются, приобретают иную форму, создаются новые средства именно мыслимого преобразования самого мышления, и ничего более. Нужно вспомнить еще и определение этих средств, которые я бы тоже считал одним из моментов констатации особенностей данных культурных форм. Я имею в виду, что время и пространство в прин-